

УДК 811.161.1'42:821.161.1-14"19"

И.А. Проскурин

ФУНКЦИИ ОРИЕНТАЛИЗМОВ В «ВОСТОЧНЫХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ И.А. БУНИНА

І. А. ПРОСКУРІН. ФУНКЦІЇ ОРІЄНТАЛІЗМІВ У «СХІДНИХ» ВІРШАХ І. О. БУНІНА.

У статті запропоновано аналіз функцій орієнтальної лексики для циклу «східних» віршів І. О. Буніна. Тема Сходу у творчій свідомості І. О. Буніна посідала істотне місце. На сучасному етапі вивчення впливу культур Сходу на світогляд письменника, дослідники дійшли думки, що відповідь на запитання, чи є увага Буніна до східних (зокрема, ісламських) тем та відповідної аксіології поетичною екзотикою може бути позитивною та негативною водночас, адже світ Сходу є незвичним до світосприйняття Буніна. Поет прагне поєднати східний світоустрій до універсального цілого, співвіднести з екзистенційним досвідом людства та інтегрувати до єдиної, загальної щодо всіх культурних та соціальних формацій модель взаємодносин між людиною та Космосом. Зміст тексту у процесі сприйняття формується як на рівні чуттєвого пізнання, так і на рівні абстрактного мислення. Тому можна виявити два взаємопов'язані принципи відображення дійсності у тексті та два аспекти змісту, що можна умовно позначити як «проективний» та «концептуальний». Парадигма орієнталізмів є міжтекстовою щодо всієї сукупності «східних» віршів. У вірші «Храм Сонця» компоненти міжтекстової парадигми орієнталізмів входять до складу природної парадигми, що спричиняє актуалізацію концептуальної опозиції «НОМАДНИЙ»/«ТУБІЛЬНИЙ». Орієнталізми можуть бути частиною концептуальної складової твору експліцитно (як компонент домінантної (гіперактуальної) парадигми («Ієрусалим»; «Олександр в Єгипті»; «Мекам» та ін.). Щодо інших віршів, елементи орієнтальної парадигми є інтертекстами до Корану. У вірші «Магомет у вигнанні» компоненти міжтекстової парадигми орієнталізмів мають експліцитне вираження у якості інтертексту до оповіді про вигнання Пророка.

Ключові слова: орієнталізм; поезія Буніна, функції, проективний, концептуальний.

И. А. ПРОСКУРИН. ФУНКЦИИ ОРИЕНТАЛИЗМОВ В «ВОСТОЧНЫХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ И. А. БУНИНА

В статье рассматриваются функции ориентальной лексики, формирующей черты проективности и концептуальности текстов в цикле «восточных» стихотворений И. А. Бунина. Тема Востока в творческом сознании И. А. Бунина занимала существенное место. Исследователи отмечают, что внимание Бунина к восточным (в частности, исламским) темам и соответствующей аксиологии одновременно объясняется и их экзотичностью, и стремлением поэта объединить восточное мироустройство в универсальное целое, соотнести с экзистенциальным опытом человечества и интегрировать в единую общую для всех культурных и социальных формацій модель взаимоотношений между человеком и Космосом. Содержание текста в процессе его восприятия формируется как на ступени чувственного познания, так и на ступени абстрактного мышления. На этом основании можно выделить два тесно связанных принципа отражения реальности в тексте и соответственно два аспекта его содержания, которые можно условно обозначить как «проективный» и «концептуальный» и положить в основу выделения функций парадигм. Парадигма ориентализмов является межтекстовой по отношению ко всей совокупности «восточных» стихотворений. В значительной части стихотворений компоненты межтекстовой парадигмы ориентализмов входят в состав природной парадигмы, которая способствует актуализации концептуальной опозиции (например, «НОМАДНЫЙ»/«АВТОХТОННЫЙ» в стихотворении «Храм Солнца»). Ориентализмы могут входить в концептуальную составляющую произведения эксплицитно в качестве части доминантной (гиперактуальной) парадигмы («Иерусалим», «Александр в Египте», «Мекам» и др.). В других стихотворениях элементы ориентальной парадигмы представляют собой интертекстуальную отсылку к Корану. В стихотворении «Магомет в изгнании» компоненты

© И.А. Проскурин, 2020

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2020.02.72.05>

межтекстовой парадигмы ориентализмов имеют эксплицитное выражение в качестве ин-тертекста к рассказу об изгнании Пророка.

Ключевые слова: ориентализм; поэзия Бунина; функции; проективный; концептуальный.

I. A. PROSKURIN. FUNCTION FOR ORIENTALISMS FOR BUNIN'S "EASTERN" POEMS

The article gives analysis for functions of oriental lexicon for Bunin's "eastern" poems. Particularly projective set and conceptual set represented by oriental paradigm. Eastern subject-matter has matter place in the Bunin's affectation to "eastern" cultures, researchers says that answer for question "Bunin's affectation to "eastern" (particularly Islamic) cultures" is an ambivalent: it is exotic, because it is unusual. But Bunin's affect to unite "eastern world order" in general-purpose be-all correlated with human's existential experience and integrated to one pattern of footing between men and Cosmos. Perception of text is formed on the sensuous level, but it formed on the abstract level too. We may distinguish two fundamentals of mapping for reality in the text. Resp. we may distinguish two aspects of text's content. There are projective set and conceptual set. An oriental paradigm is an intertextual for all "eastern" poems. For "Temple of the Sun" components of intertextual paradigm integrate to projective paradigm and lead to actualization for a conceptual opposition "NOMADIC"/"INDEGENOUS". Researchers says that "nomadic" from Bunin's point of view is not only "oriental". "Nomad" is a primogenitor of the humanity. Components of an intertextual paradigm may integrate to poem's explicite conceptual set like a part of dominant (hyperactual) paradigm ("Jerusalem"; "Alexander in Egypt"; "Mekam" et cetera). For other poems elements of an oriental paradigm are intertextual to Koran. For "Mohammed in Exile" components of an intertextual paradigm of orientalisms has explicite expression like an intertextual narrative about Prophet's exile.

Key words: orientalism; Bunin's lyric legacy; functions; projective; conceptual.

Тема Востока в творческом сознании Бунина занимает существенное место. На современном этапе изучения воздействия культур Востока на мировоззрение писателя исследователи пришли к мнению, что ответ на вопрос, обусловлено ли обращение И. Бунина к восточной (и в частности исламской) тематике и аксиологии поэтической экзотикой может быть одновременно и утвердительным и отрицательным: «Да – потому что мир Востока очевидно нов и необычаен для бунинского мирозерцания; нет – так поэт стремится раскрывающийся перед ним разными гранями восточный миропорядок «собрать» в универсальное целое, соотнести с бытийным опытом человечества как такового и интегрировать в единую, общую для всех культурных и социальных формаций модель взаимоотношений между человеком и Космосом» [15, с. 195].

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении обозначений восточных реалий с точки зрения их роли в сорока четырёх стихотворениях разных лет, объединяемых темой Востока («Дагестан», «Гробница Сафии», «Склон гор», «Судра», «Птица», «Невольник», «Хая-Баш (Мёртвая голова)», «К Востоку», «Стамбул», «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...», «Тэмджид», «Тайна», «Айя-София», «Сатана Богу», «Зейнаб», «Белые крылья», «Тонет солнце, рдяным углем тонет...», «Священный прах», «Путеводные знаки», «Авраам. Коран VI», «Розы Ширази», «Храм Солнца», «Нищий», «Гермон», «Мекам», «Мандрагора», «Закон», «Иерусалим», «Трон Соломона», «На пути под Хевроном...», «Дия», «Из анатолийских песен («Девичья», «Рыбацкая»)», «Напутствие», «Бессмертный», «Каир», «Александр в Египте», «Чалма на мудром – как луна...», «Магомет в изгнании», «Караван», «Люцифер», «Бедуин», «Имру-уль-Кайс», «За Дамаском»). Парадигма ориентализмов (аул; кипарис; Геллеспонт; тюрбэ; минарет; Хая-Баи; сааз; чалмы; шакал; Царьгород; базилика; Сераль; астрагал; василиск; Тэмджид; дервиши Джелветти; Скутари; жало его сирийского кинжала; Элиф. Лам. Мим; Мохаммед; ятаган; Атмейдан; Великий Шейх; Коран; маслина; Зейнаб; хамсин; Магомет; Медина; барант; намаз; гуены; сад Ирема; шакнизир; талес) является межтекстовой для всего корпуса стихотворений.

Содержание текста в процессе его восприятия формируется как на ступени чувственного познания, так и на ступени абстрактного мышления. В соответствии с этим в содержании можно выделить два тесно связанных аспекта, которые можно условно обозначить как «проективный» и «концептуальный» [10]. В зависимости от преобладания одного из аспектов текст представляется возможным отнести к преимущественно проективным и преимущественно концептуальным.

В ряде произведений парадигма ориентализмов выполняет исключительно проективную функцию, т. е. служит для формирования в сознании реципиента образа соответствующей восточной реалии. Это стихотворения «Дагестан», «Склон гор», «Хая-Баш», «К Востоку», «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...», «Розы Шираза», «Храм Солнца», «Гермон», «На пути под Хевроном...», «Напутствие», «Александр в Египте», «Чалма на мудром – как луна...», «За Дамаском». В стихотворении «Дагестан» компонент ориентальной парадигмы, взаимодействуя с другими подпарадигмами (УЩЕЛЬЕ (*В ущелье мрак, шумящие каскады. И до небес скалистые громады встают в конце ущелья – как стена*), ЗВЁЗДЫ (*далёких звёзд алмазы*)), входит в состав природной парадигмы, выполняющей пейзажную функцию. В стихотворениях «К Востоку», «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...», «На пути под Хевроном...», «Гермон», «За Дамаском» компонент ориентальной парадигмы входит в состав природной парадигмы, выполняющей пейзажную функцию. Для стихотворения «Розы Шираза» компоненты ориентальной парадигмы (*Сад в эту ночь – как сад Ирема. И сладострастна, и бледна, как в шакнизир, тайник гарема, в узор ветвей глядит луна*) входят в состав природной парадигмы, представляющей собой часть синестетической парадигмы (*Цветы молчат – нет слов у них: их сладкий зов – благоуханья. Алмазов слёз – покорность их*), что, по мнению исследователей, «делает образ ярким, задействует перцептивный опыт читателя» [1, с. 89]. В стихотворении «Храм Солнца» компоненты ориентальной парадигмы входят в состав природной парадигмы, служащей для актуализации концептуальной оппозиции «НОМАДНЫЙ»/«АВТОХТОННЫЙ» («Номадное» в понимании Бунина не может рассматриваться как исключительно «экзотическое» или «ориенталистское». Это понятие для Бунина относится не столько к перемещению в земных пределах времени и пространства, сколько к «космическому», «вечному», «вселенскому». В стихотворении «Храм Солнца»...стоянка «первого Номада» – знак начала истории человечества. «Первый Номад» – предок человечества, кочевавший по просторам Вселенной, а «колоннада» храма Солнца, напоминающая мегалитический кромлех, – дань космической символике. О колоннаде говорит Бунин: «В блаженный мир ведут её врата» – в мир вечной Вселенной, откуда пришёл прародитель – «первый Номад» [9]). По мнению исследователей, «в стихотворении «Храм Солнца» сакрализация храмового локуса определяется его обращённостью к миру во всей его безграничности и полноте» [15, с. 202].

В ряде стихотворений («Гробница Сафии», «Судра», «Невольник», «Айя-София», «Зейнаб», «Тонет солнце, рдяным углем тонет...», «Нищий», «Мандрагора», «Иерусалим», «Дия», «Из анатолийских песен («Девичья», «Рыбацкая»)), «Бессмертный», «Каир», «Александр в Египте», «Караван», «Люцифер», «Бедуин») компоненты ориентальной парадигмы выполняют функцию репрезентации концептуальной составляющей, т. е. составляющей смысла, идейной основы текста.

Компоненты ориентальной парадигмы могут входить в концептуальную составляющую стихотворения, выступая эксплицитно как подпарадигма доминантной (гиперактуальной) парадигмы (БЕССМЕРТИЕ (*Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет, но стократ счастливей тот, чей прах веру в жизнь бессмертную вселяет и цветёт легендами в веках*) («Гробница Сафии»), парадигма НЕВОЛЯ («Невольник»), СУДРА («Судра»), КРАЙ ОТЦОВ («Иерусалим»), АЛЕКСАНДР («Александр в Египте»), ЛЮЦИФЕР («Люцифер»), БЕДУИН («Бедуин»)).

В стихотворении «Айя-София» парадигма ориентализмов функционирует в составе парадигмы ВЕЛИКИЙ ШЕЙХ, в которой реализуется концептуальная составляющая (парадигма сакрального (*великий шейх читал святой Коран*)). Как отмечают исследователи, «данный текст эксплицитно ценностно-смысловую логику бунинского «схватывания» онтологической сущности храмового пространства и свидетельствует о рецепции поэтом смыслового назначения веры как акта приобщения к мировому всеединству...«Великий шейх», читающий «Святой Коран», в качестве лирического персонажа предстаёт антропологическим средоточием знания Божественных постулатов миропорядка...«Любовь» и «Весна» как адресаты лирического субъекта в завершающей строке стихотворения символизируют вечную неизменность витальных принципов существования мира, действующих и в архитектурном, сотворённом человеком, и в естественно-природном космосе...в «Айя-Софии» совершается предельная интеграция религиозно-антропологического и естественно-стихийного аспектов существования» [15].

В стихотворении «Тонет солнце, рдяным углем тонет...» компоненты ориентальной парадигмы входят в состав концептуальной парадигмы НАМАЗ. Как отмечают исследователи, «изображение намаза, данное от лица верующих мусульман («пастухов пустыни») атрибутировано чувством страха и ощущением Божественного величия» [15].

Ещё одной функцией ориентальной парадигмы является интертекстуальная функция. Она представлена в стихотворениях «Тэмджид», «Тайна», «Сатана Богу», «Авраам. Коран VI», «Мекам», «Закон», «Трон Соломона», «Магомет в изгнании», «Белые крылья», «Священный прах», «Путеводные знаки», «Птица», «Нищий», «Мандрагора», «Бессмертный», «Имру-уль-Кайс».

В стихотворении «Тэмджид» компоненты ориентальной парадигмы (*Тэмджид; дервиши Джелветти*) представляют собой часть парадигмы ТЭМДЖИД (*встают дервиши Джелветти и на башне древний гимн, святой Тэмджид, поют. Спят сады и спят гробницы в полночь. Спит Скутари. Всё, что спит, молчит. Но под звёздным небом с тёмной башни не для спящих этот гимн звучит: есть глаза, чей скорбный взгляд с тревогой, с тайной мукой в сумрак устремлён, есть уста, что страстно и напрасно призывают благодатный сон. Тяжела, темна стезя земная. Но зачтётся в небе каждый вздох: Спите, спите! Он не спит, не дремлет, он вас помнит, милосердый Бог*). Как отмечают исследователи, «из грозного и милосердного, наказующего и поощряющего владыки Бог в интерпретации Бунина превращается в заботливого учителя, охраняющего человека, предупреждающего своим неослабным вниманием и его возможные ошибки. В контексте стихотворения Бунина строка из Корана утешает, ободряет, успокаивает, вселяет уверенность» [12, с. 138-139]. В тафсирах же в толковании аята, к которому отсылает стихотворение, акцент делается на всемогуществе Аллаха («Эта фраза означает, что власть Всемилостивейшего Аллаха ни на секунду, ни на мгновение не ослабевает и не оставляет этот мир» [11, с. 396]). Г. Г. Исаев, характеризуя рассказ И. А. Бунина «Смерть пророка», отмечает, что «...Бунин не воспроизводит коранический миф буквально, а переструктурирует его, соотнося со своими интенциями» [4, с. 118], что представляется возможным распространить и в отношении стихотворения «Тэмджид».

Компонент ориентальной парадигмы (*Элиф. Лам. Мим*) может представлять собой интертекстуальную отсылку к Корану [5, с. 23] («Тайна»).

В стихотворении «Сатана Богу» элемент циклообразующей парадигмы ориентализмов выступает как компонент концептуальной парадигмы САТАНА (*Я из огня, Адам – из мёртвой глины, и Ты велишь мне пред Адамом пасть! Что ж, сей в огонь листву сухой маслины – смираяй листвой его живую страсть*). По мнению исследователей, красный стяг Сатаны в стихотворении «олицетворяет жизнь и энергию, но, прежде всего, войну, революцию, опасность и кровь» [2, с. 65]. В стихотворении «Бессмертный» компонент ориентальной парадигмы выступает как элемент парадигмы АНГЕЛ СМЕРТИ, которая, наряду с парадигмой АНГЕЛ МЕСТИ, репрезентирует концептуальную составляющую стихотворения. «Ангел Смерти выступает здесь посланником Аллаха, который, согласно его повелению, в Судный день лишит жизни всех живущих. Выполнив свою задачу, он прилетит к своему Господу и, простирая свои крылья, умрёт перед его лицом» [2, с. 67]. Под «Ангелом Мести», по мнению исследователей, подразумевается Аллах [2, с. 168]. В стихотворении «Священный прах» компоненты ориентальной парадигмы, отсылающие интертекстуально к священным понятиям исламской культуры, представляют собой составную часть концептуальной парадигмы ОДУХОТВОРЕНИЕ («Совершаемое Гавриилом одухотворение «праха земного» становится для поэта образом непостижимого соприкосновения повреждённого земного мира с Божественной милостью» [7]). В стихотворении «Путеводные знаки» компоненты ориентальной парадигмы интертекстуально отсылают к двенадцатой части шестнадцатой суры Корана «Ан-Нахль» («Пчёлы») («Для вас покорила Он ночь и день, Солнце и Луну, и звёзды послушны Его повелению. Поистине, в этом – знамение для людей, имеющих разумение» [5, с. 245]).

В стихотворении «Магомет в изгнании» компоненты ориентальной парадигмы наличествуют эксплицитно, как отсылка к преданию об изгнании Пророка («Изгнанный из ат-Таифы, которую считал надёжным приютом, и не решаясь открыто вернуться в родной город, Мухаммед оставался в пустыне до тех пор, пока Зайд не нашёл ему тайное убежище у своих друзей в Мекке. Доведённый до такого положения, Мохаммед имел одно из тех видений, которые представлялись ему всегда в минуты духовного волнения, или когда он находился в одиночестве. Это произошло после вечерней молитвы в пустынном месте долины Наклах,

между Меккой и ат-Таифой. Он читал Коран, слова которого слышали находящиеся вблизи джинны, или гении... Это духовное видение несколько примирило Мухаммеда сего изгнанием из ат-Таифы. Он понял: несмотря на то, что он и его учение отвергается людьми, духи относятся к нему с благоговением. После этого события Мухаммед провозгласил, что послан для обращения в истинную веру не только человеческого рода, но и духов» [3, с. 75]). В стихотворении «Имру-уль-Кайс» компоненты ориентальной парадигмы интертекстуально отсылают к личности и творчеству арабского доисламского поэта Имру-уль-Кайса [8, с. 20].

Представляется возможным уподобить специфику использования И. А. Буниным ориентализмов т. н. «засловью» (термин из сферы живописи) (««Засловье» – способ донесения информации в произведении, в котором автор полотна словно зашифровывает главную, глубинную тему сюжета, камуфлируя её более яркими, доминирующими в картине вещами, чтобы это главное не раскрывалось визуально сразу, чтобы картина «работала» дольше и её было интереснее расшифровывать зрителю» [14, с. 23]). К примеру, в стихотворении «Гробница Сафии» компоненты ориентальной парадигмы (*кипарис; Геллеспонт; тюрбэ*) указывают на основное философское содержание стихотворения (учение о палингенезисе (см. подробнее [16, с. 385-435]). В стихотворении «Дагестан» компонент ориентальной парадигмы указывает на идею единства «микрокосма» «макркосма» (в исламской традиции «вахдат аль-вуджуд»). В стихотворении «Айя-София» компоненты ориентальной парадигмы (*великий шейх читал святой Коран*) указывают на идею Смерти (в диалектическом единстве с Жизнью) как сакральную. Подобное поэтическое философствование является одной из существенных характеристик восточных культур («В силу самой природы Реальности, а следовательно, и связанного с ней метафизического знания, в ориентальных традициях самые строгие интеллектуальные и метафизические экспозиции излагались или в стихотворной форме, или поэтическим языком...» [6, с. 123].

Таким образом, циклообразующая функция межтекстовой парадигмы ориентализмов амбивалентна: она используется для актуализации как проективной составляющей, так и для актуализации концептуальной составляющей. Концептуальная составляющая в ряде стихотворений представлена интертекстуальными отсылками к фундаментальным концептам исламской аксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булюбаш А. Ю. Лексика вкусового восприятия в лирике И. А. Бунина. *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. Казань, 2015. С. 88-90.
2. Ендра Й., Ставинога Э. Встреча христианства с исламом – ангелы Ивана Бунина. *Przegląd rusycystyczny*. № 2 (166). Katowice, 2019. S. 51-71.
3. Жизнь пророка Мухаммеда. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 304 с.
4. Исаев Г. Г. Исламский Восток в творчестве русских писателей Серебряного века. Москва: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2017. 208 с.
5. Коран. Москва: Издательский дом Марджани, 2012. 608 с.
6. Наср С. Х. Исламское искусство и духовность. Москва: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. 232 с.
7. Ничипоров И. Б. Жанр молитвы в поэзии И. А. Бунина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37219.php> (дата обращения 13.01.2021).
8. Основные произведения иностранной художественной литературы. СПб.: «Азбука»; Москва: ТЕРРА, 1997. 608 с.
9. Полтавец Е. Ю., Минаева Д. В. «Номадный» и «автохтонный» аспекты в восприятии И. А. Буниным творчества Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]//режим доступа:<http://www.bunin-rgali.ru.php?view=articlect=art7>. Дата обращения: 11. 01. 2021.
10. Правдин М. Н. Анализ содержательной структуры текста: Сборник научных трудов МГПИИЯ имени Мориса Тореза, вып. 103. М., 1976. С. 91-102.
11. Свет Священного Корана: Разъяснения и толкования. Том I. Санкт-Петербург: Фонд исследований исламской культуры, 2008. 448 с.
12. Спивак Р. С. Русская литература конца XIX–начала XX века. Пермь, 2011. 196 с.
13. Степанченко И. И., Мирошниченко М. В., Нестеренко К. В., Пехарева М. В., Просяник О. П. Парадигматический анализ лексики поэтического произведения. Киев: «Українське видавництво», 2014. 216 с.
14. Стекольщиков А. В. Методика творчества: От природы к образу. М., 2018. 143 с.

15. Чевтаев А. А. Стихотворение И. Бунина «Айя-София»: архитектурный «космизм» в структуре лирического сюжета. *Сюжетология и сюжетография*. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2020. № 1. С. 191-206.

16. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в шести томах. Том 2. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб «Республика», 2001. 561 с.

REFERENCES

1. Bulyubash A. YU. Leksika vkusovogo vospriyatiya v lirike I. A. Bunina. *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk*. Kazan', 2015. S. 88-90.

2. Endra J., Stavinoga E. Vstrecha hristianstva s islamom – angely Ivana Bunina. *Przeglad rusycystyczny*. № 2 (166). Katowice, 2019. S. 51-71.

3. ZHizn' proroka Muhammeda. Moskva: OLMA Media Grupp, 2011. 304 s.

4. Isaev G. G. Islamskij Vostok v tvorchestve russkikh pisatelej Serebryanogo veka. Moskva: KNORUS; Astrahan': AGU, ID «Astrahanskij universitet», 2017. 208 s.

5. Koran. Moskva: Izdatel'skij dom Mardzhani, 2012. 608 s.

6. Nasr S. H. Islamskoe iskusstvo i duhovnost'. Moskva: IPC «Dizajn. Informaciya. Kartografiya», 2009. 232 s.

7. Nichiporov I. B. ZHanzr molitvy v poezii I. A. Bunina [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37219.php> (data obrashcheniya 13.01.2021).

8. Osnovnye proizvedeniya inostrannoj hudozhestvennoj literatury. SPb.: «Azbuka»; Moskva: TERRA, 1997. 608 s.

9. Poltavec E. YU., Minaeva D. V. «Nomadnyj» i «avtohtonnyj» aspekty v vospriyatii I. A. Buninykh tvorchestva L. N. Tolstogo [Elektronnyj resurs]//rezhim dostupa:<http://www.buninrgali.ru.php?view=articlect=art7>. Data obrashcheniya: 11. 01. 2021.

10. Pravdin M. N. Analiz sodержatel'noj struktury teksta: Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA imeni Morisa Toreza, vyp. 103. M., 1976. S. 91-102.

11. Svet Svyashchennogo Korana: Raz'yasneniya i tolkovaniya. Tom I. Sankt-Peterburg: Fond issledovanij islamskoj kul'tury, 2008. 448 s.

12. Spivak R. S. Russkaya literatura konca XIX–nachala XX veka. Perm', 2011. 196 s.

13. Stepanchenko I. I., Miroshnichenko M. V., Nesterenko K. V., Pekhareva M. V., Prosyaniuk O. P. Paradigmaticheskij analiz leksiki poeticheskogo proizvedeniya. Kiev: «Ukrains'ke vidavnicтво», 2014. 216 s.

14. Stekol'shchikov A. V. Metodika tvorchestva: Ot natury k obrazu. M., 2018. 143 s.

15. CHEvtaev A. A. Stihotvorenije I. Bunina «Ajya-Sofiya»: arhitekturnyj «kosmizm» v strukture liricheskogo syuzheta. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 2020. № 1. S. 191-206.

16. SHopengauer A. Sobranie sochinenij v shesti tomah. Tom 2. Moskva: TERRA-Knizhnyj klub «Respublika», 2001. 561 s.

Проскурин Иван Андреевич – аспирант кафедры зарубежной литературы и славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID 0000-0003-4922-223X. E-mail: sintaksisesperanto@gmail.com

(Статья поступила в редакцию 12 ноября 2020 г.)